

мир. Поэтому 15 (28) августа премьер Т. Кацура поручил Ю. Комуре снять вопросы о контрибуции и Сахалине, предварительно попробовав всё-таки настаивать на передаче всего острова¹⁸⁷.

Российская делегация в Портсмуте ожидала разрыва переговоров. Поэтому, когда на заседании 16 (29) августа прозвучало «полное согласие японцев», это оказалось «для всех здесь совершенная неожиданность, всё было готово к отъезду». «Часов в одиннадцать Витте вышел из зала совещания, он был красен и улыбался. Остановившись среди комнаты, он взволнованным голосом сказал: “Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всём”»¹⁸⁸. «Среди иностранцев и американцев живая радость. Русских приветствуют. Японцы имеют сконфуженный вид. Радости не разделяют, но скорбят»¹⁸⁹. Далее делегации обсудили ещё ряд технических вопросов¹⁹⁰, но главное было сделано: мир заключён. Российская делегация чувствовала и вела себя как победитель: это оказалось первым серьёзным успехом России в дальневосточной политике за ряд предшествовавших лет. Его результатом С.Ю. Витте воспользовался уже в Америке и на обратном пути в Россию. Он достиг важной договорённости, что банкирский дом Морганов поспособствует размещению русских ценных бумаг в Америке, а в Париже подготовил заключение Россией большого займа. Удача в Портсмуте стала трамплином для дальнейшей политической карьеры С.Ю. Витте – в октябре 1905 г. он возглавил созданное объединённое правительство в России, став первым в истории империи премьер-министром.

12.5. Отношение к Портсмутскому миру

Все великие державы хорошо приняли Портсмутский мир. Пожалуй, только Англия сохранила показное спокойствие, удивившись уступчивости японцев¹⁹¹. В Японии мирное соглашение вызвало повсеместное разочарование.

¹⁸⁷ Okamoto Sh. Op. cit. P.150–155.

¹⁸⁸ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №3 (31). С.74.

¹⁸⁹ И.П. Шипов – В.Н. Коковцову 16 (29) августа 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.321. Л.74. В опубликованном варианте последняя фраза выглядит так: «Радости не разделяем, но скорбно вздохнули с облегчением» (Красный архив. 1924. №6. С.41). Участник японской делегации, капитан I ранга, прочитав условия заключённого мира, не смог скрыть своих чувств: «лицо его было всё перекошено от злобы и негодования» (Русин А.И. Указ. соч. С.255).

¹⁹⁰ Среди них были и важные. Например, только 19 августа (1 сентября) стороны подписали протокол о перемирии.

¹⁹¹ Одновременно Лондон усиленно зазывал возвращающегося С.Ю. Витте на пути в Россию посетить Великобританию. Российский уполномоченный отверг приглашение Эдуарда VII, сославшись на то, что он не имеет для этого полномочий из Петербурга (Литовцев С. Взгляд на русско-английское соглашение // Речь. 1912. 14 февраля; Из

Ю. Комуру встречала негодующая толпа, вскоре он был отправлен в отставку с поста министра иностранных дел. Так называемое «общественное мнение» ещё во время переговоров требовало получения не только Сахалина, но и Владивостока вместе с российским Приморьем¹⁹². Японская печать писала, что слабая дипломатия растеряла победу нации в войне¹⁹³. После известия о подписании мира на условиях, далёких от ожидаемых, в Токио даже произошли беспорядки. Толпа, возмущённая тем, что обществу «Кава дошикай» (ассоциация против мира) не дали провести митинг в парке Хибия (центр Токио), стала забрасывать камнями здания МВД, подожгла деревянные постройки рядом с домом министра, разрушила около 100 полицейских постов, уничтожила 30 трамвайных вагонов и три христианских часовни. Спокойствие восстановили лишь после того, как император ввёл в столице военное положение, а в город вошла дивизия императорской гвардии, взявшая под охрану правительственные здания. Манифестации против мира прошли и в других крупных городах Японии, в ходе массовых протестов погибло 17 человек¹⁹⁴.

В России многие также упрекали С.Ю. Витте, что это он отдал Японии южную часть Сахалина. Злые языки даже прибавили к графскому достоинству, которым Николай II наградил главного уполномоченного за успешное ведение переговоров, титул – «Полусахалинский». Позднее С.Ю. Витте, стремясь оправдаться, пошёл на значительное искажение картины переговоров. В 1908 г. он в полемике с членом российской делегации А.И. Русиним утверждал, что нарочно не заключал перемирия в Портсмуте, «чтобы дать возможность нашей армии показать на деле хотя бы проблески своей силы» (на самом деле перемирия не желали японцы). И вообще глава делегации якобы сознательно затягивал переговоры, надеясь на успехи на театре военных действий¹⁹⁵. Впрочем, его оппоненты (А.И. Русин и Р.Р. Розен) были ненамного

архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.176; Игнатьев А.В. Указ. соч. С.240). Это соответствовало его антианглийской позиции: осенью 1905 г., сразу по возвращении из Портсмута С.Ю. Витте в Берлине обсуждал свою любимую идею континентального антианглийского союза.

¹⁹² Okamoto Sh. Op. cit. P.167.

¹⁹³ Esthus R. Op. cit. P.167.

¹⁹⁴ Донесение бельгийского посланника из Токио 10 сентября 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.6. Л.32–33; Esthus R. Op. cit. P.184–186.

¹⁹⁵ С.Ю. Витте – А.И. Русину 8 марта 1909 г. // РГА ВМФ. Ф.1335. Оп.1. Д.39. Письмо С.Ю. Витте и ответ ему А.И. Русина 12 марта были опубликованы в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» за 14 сентября 1910 г., (№11917). С аналогичным письмом С.Ю. Витте обратился к Р.Р. Розену 15 марта 1909 г. (его текст и ответ барона 23 апреля 1909 г. также появились в «Биржевых ведомостях» 15 сентября 1910 г., вечерний выпуск (№11918). Они были перепечатаны в утреннем выпуске 16 сентября 1910 г. (№11919)).

честнее: оказалось, что они являлись категорическими противниками мира: Япония была-де истощена, тогда как Россия могла воевать (однако в ходе переговоров они не обозначили явно своей позиции). Правда, Р.Р. Розен в конечном итоге всё-таки поддержал С.Ю. Витте: вопрос о заключении мира, по его мнению, решался в Петербурге, глава делегации мог лишь исполнить данное ему указание.

Несмотря на то, что согласие на уступку Южного Сахалина дал сам царь, тем не менее, вопрос остался: можно было или нет обойтись вообще без территориальных потерь? Вероятно, да. Но в тех условиях полная бескомпромиссность со стороны России выглядела слишком опасной, скорейшее окончание войны интересовало в значительной степени обе стороны. В случае незаключения мира продолжение военных действий при разгоравшейся революции являлось делом весьма рискованным, если вообще возможным. Разумеется, факт уступки половины Сахалина порождал в России желание реванша, особенно среди военных, а также в некоторых гостиных и салонах. Да и сам Николай II полагал, что через какое-то время оправившаяся от неудач Россия сумеет вернуть потерянное. Однако произошло это лишь четыре десятилетия спустя, уже при другой власти.